

РОЛЬ ШАНХАЙСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОТРУДНИЧЕСТВА В РЕГИОНЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ДИСКУРСОВ¹

Е.В. Колдунова

Анализ процессов регионального сотрудничества в незападном мире привлекает все большее внимание исследователей международных отношений. При этом евроцентристский подход, делавший акцент на сходствах и различиях между европейской моделью интеграции и регионального сотрудничества, с одной стороны, и институциональными параметрами взаимодействия в других регионах мира, с другой, постепенно уступает место сравнительным исследованиям принципов, норм и практики функционирования региональных организаций за пределами Европы².

В данном случае Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) представляет собой уникальный объект анализа. ШОС объединяет две крупнейшие страны в Евразии — Россию и Китай — и четыре государства Центральной Азии (Казахстан, Узбекистан, Киргизию и Таджикистан). Все государства, входящие в ШОС, разделяют опасения по поводу традиционных и новых угроз безопасности и хотели бы наращивать взаимодействие в экономической и гуманитарной областях. Необходимость противодействия общим угрозам и выработка общего подхода к стабилизации Афганистана создают естественные основания для сотрудничества. Однако оценки результатов взаимодействия перечисленных стран в рамках ШОС в значительной степени разнятся в России, Китае, Индии, США и странах ЕС.

В данной статье анализируются основные линии расхождения в анализе деятельности ШОС в современном исследовательском дискурсе этих стран.

Региональное сотрудничество в Центральной Азии: роль ШОС

Центральная Азия³ представляет собой «новый» международный регион. Все составляющие его акторы возникли как независимые государства в их современном виде только после распада СССР и обладают относительно непродолжительным по историческим меркам опытом государственного строительства. Исторически существовавшие ранее на этом пространстве территориально-политические образования базировались на принципе надэтничности⁴. Именно поэтому во всех странах региона до сих пор продолжается процесс национальной консолидации⁵, а в политическом процессе и институциональном развитии особое звучание приобретают вопросы самоидентификации народов, населяющих Центральную Азию, региональные и клановые размежевания.

Указанные линии противоречий во многом обуславливают тот факт, что до сих пор в международном внутрирегиональном взаимодействии в Центральной Азии двусторонние форматы отношений преобладают над многосторонними. При этом двусторонний уровень также отличается значительной степенью конфликтности. Так, например, территори-

альные споры, вопросы межэтнического взаимодействия, разногласия по поводу использования водных ресурсов до сих пор омрачают отношения Киргизии и Узбекистана, Киргизии и Таджикистана, Таджикистана и Узбекистана⁶. Кроме того, несмотря на предпринимавшиеся в 2000-х гг. попытки создать региональную организацию в Центральной Азии, на данный момент не существует ни одного многостороннего регионального формата, который бы объединял только пять государств Центральной Азии⁷. В то же время сами страны региона в большей степени склонны включаться в деятельность многосторонних организаций с участием внешних игроков. Такая ситуация дала основания британскому исследователю Рою Аллисону охарактеризовать центральноазиатский регионализм как «виртуальный»⁸.

В этом контексте ШОС представляет собой заслуживающий внимания формат регионального сотрудничества, объединяющий абсолютное большинство стран Центральной Азии⁹, Китай и Россию. Своими корнями формирование ШОС уходит в переговорный процесс по поводу урегулирования пограничных вопросов России, Казахстана, Киргизии и Таджикистана с Китаем после распада Советского Союза. Присоединение к «шанхайской пятерке» Узбекистана в 2001 г., а также необходимость реагировать на террористическую угрозу в регионе после событий 11 сентября 2001 г. в США обусловили дальнейшую институционализацию «шанхайского форума». В 2002 г. был принят устав ШОС и Соглашение о региональной антитеррористической структуре (РАТС) с центром в Ташкенте (Узбекистан). В 2004 г. ШОС стала наблюдателем при Генеральной Ассамблее ООН. В 2005 г. был подписан меморандум о взаимопонимании между ШОС и АСЕАН.

Функциональное расширение организации за счет придания статуса наблюдателей Индии, Пакистану, Ирану, Мон-

голии и Афганистану, а также партнеров по диалогу Белоруссии, Шри-Ланке и Турции привлекло дополнительное внимание к деятельности ШОС, а также дало импульс для формирования не только регионального, но и межрегионального формата обсуждения вопросов безопасности, экономики и гуманитарного сотрудничества.

Российский взгляд на региональное сотрудничество в рамках ШОС: официальные оценки и экспертные подходы

В отношении с государствами региона Россия опирается на исторические, демографические, экономические и культурные связи, формировавшиеся еще со времен существования Российской империи и Советского Союза. В то же время Россия, естественно, не может игнорировать новые геополитические реалии, связанные с повышением конкурентности среды международного взаимодействия в Центральной Азии. Сам регион, однако, не фигурирует в качестве консолидированного внешнеполитического приоритета России¹⁰. Отношения с отдельными центральноазиатскими странами все в большей степени становятся элементами различных траекторий сотрудничества как на двустороннем, так и многостороннем уровнях.

Опыт регионального сотрудничества в Центральной Азии с участием России в 1990–2000-е гг. является многообразным, хотя и свидетельствующим об отсутствии системного представления о том, как стоило выстраивать отношения с «новыми» соседями¹¹. Механизмы Содружества Независимых Государств (СНГ)¹², Организации договора о коллективной безопасности (ОДКБ)¹³, Центральноазиатского сотрудничества (ЦАС)¹⁴, Евразийского экономического сотрудничества (ЕврАзЭС)¹⁵, по сути, оказались пробными попытками создать работающую структуру многостороннего со-

трудничества в регионе. Формирование Таможенного союза и Единого экономического пространства России, Беларуси и Казахстана¹⁶ стало результирующей экономической инициативой для тех постсоветских стран, которые были готовы к сотрудничеству и разноскоростной интеграции¹⁷.

В ряду упомянутых организаций и инициатив ШОС занимает отдельное место. Официальная российская позиция исходит из тройной функции ШОС. Во-первых, ШОС рассматривается как формат, способный содействовать становлению системы коллективного лидерства в мире. Во-вторых, ШОС должна стать составным элементом «партнерской сети региональных объединений» в Азиатско-Тихоокеанском регионе¹⁸. В-третьих, организации, наряду с механизмами ООН, СНГ и ОДКБ, отводится особая роль в международных усилиях по стабилизации ситуации в Афганистане¹⁹.

При этом ШОС представляет собой организацию, отличную от других постсоветских объединений. Процесс ее создания заключался в постепенном продвижении к многосторонней структуре, отталкиваясь от двустороннего взаимодействия. В отличие от таких механизмов, как ОДКБ или СНГ, участие в ШОС никогда не ставилось под сомнение ее членами²⁰. Российские исследователи подчеркивают, что, несмотря на отсутствие возможностей для глубокой интеграции в области безопасности, ШОС обладает особой политической ролью в регионе и благодаря своему составу участников имеет перспективы выхода на глобальный уровень²¹.

В целом в российских исследованиях ШОС можно выделить несколько подходов, в зависимости от тех функций, которые рассматриваются как наиболее значимые для деятельности организации. Один из таких подходов акцентирует внимание на стратегическом значении ШОС и ее наблюдателей для России ввиду усиления в регионе позиций США и

НАТО²². К этому же направлению можно отнести исследования, которые рассматривают ШОС в качестве дополнительного контура безопасности по периметру границ, помимо сотрудничества в рамках ОДКБ²³.

С подобным взглядом на деятельность ШОС логически сопрягается другой подход, который подчеркивает особый характер деятельности ШОС, существенно отличный от западных форматов регионального сотрудничества²⁴. В данном случае ШОС рассматривается как тип региональной или даже трансрегиональной организации, которая способна объединить государства с разными моделями политического устройства и обеспечивать за счет такого сотрудничества стабильность в зоне своей ответственности²⁵.

Еще одна группа исследований рассматривает ШОС с точки зрения в первую очередь потенциала энергетических и инфраструктурных проектов для создания единого экономического и транспортного пространства Центральной Азии²⁶. В данном контексте подчеркивается и необходимость более тесного привлечения наблюдателей к сотрудничеству с ШОС²⁷. Значение этой категории стран для ШОС, по-видимому, будет возрастать, поскольку среди них есть Индия и Пакистан, имеющие тесные отношения с США, а также Иран, вопрос о ядерной программе которого занимает одно из ключевых мест в современной американской внешней политике. Соответственно, участие этих стран в ШОС, пусть и на правах наблюдателей, с одной стороны, добавляет глобальное измерение деятельности этой организации, а с другой стороны, ставит вопрос о координации позиций этих стран по конкретно-региональным вопросам повестки дня ШОС.

Китайские подходы к сотрудничеству в Центральной Азии и в рамках ШОС

Межрегиональные торгово-экономические и культурные связи между

приграничными районами Китая и центральноазиатскими республиками стали восстанавливаться с 1980-х гг. в русле нормализации советско-китайских отношений и принятия китайским руководством во главе с Дэн Сяопином курса на экономическое реформирование страны. После распада Советского Союза Китай последовательно установил двусторонние отношения со всеми странами Центральной Азии в начале января 1992 г., тем самым обозначив новый этап в своей политической линии в отношении региона.

Современные приоритеты и направления политики Китая в отношении Центральноазиатского региона определяются как соображениями национальной безопасности КНР, так и экономическими вопросами. Первый аспект объясняется тем, что с регионом тесно смыкается одна из наиболее проблемных административно-территориальных единиц КНР — Синьцзяно-Уйгурский автономный район. Второй, экономический, обуславливается расположением в Центральной Азии ключевых поставщиков энергетических ресурсов, особенно необходимых Китаю в период наращивания темпов экономического развития.

На данном этапе можно говорить не только об отдельных аспектах двусторонних отношений Китая с государствами региона, но и о стратегии КНР в отношении Центральной Азии как единого субъекта. Несмотря на широкую исследовательскую дискуссию о том, позволяют ли существующие параметры региональной общности говорить о Центральной Азии как самодостаточном регионе²⁸, существует ряд оснований для такой трактовки китайской стратегии в регионе. Они связаны, во-первых, с существованием общерегиональных проблем безопасности, а во-вторых, с наличием политико-экономической линии Китая в отношении региона, которая в ряде вопросов осуществляется через Шанхайскую организацию сотрудничества.

Известный китайский исследователь Чжао Хуашэн в середине 2000-х гг. определил шесть приоритетных направлений стратегии Китая в Центральной Азии. К ним он отнес противодействие проявлениям терроризма, сепаратизма, экстремизма (так называемая концепция борьбы против «трех зол»), поддержание безопасного состояния пограничных территорий, содействие общерегиональной стабильности, участие в экономическом развитии региона, недопущение ситуации, когда регион мог бы оказаться под влиянием государств или военных блоков, занимающих антикитайскую позицию, доступ к региональным энергоресурсам²⁹.

К вышеперечисленным приоритетам стоит также добавить задачу усиления позиций Китая в многосторонних форматах сотрудничества. Среди них ШОС отводится роль механизма, в рамках которого возможна апробация модели многостороннего лидерства с участием Китая³⁰. При этом лидерские функции КНР в ШОС обусловлены как минимум тремя факторами. К ним директор Центра исследований ШОС при Шанхайской академии наук Пань Гуан относит вклад Китая в концептуальное видение развития организации (определение базовых принципов так называемого «Шанхайского духа»³¹), продвижение дальнейшей институционализации ШОС и практическую поддержку проектов в рамках организации³². Кроме того, именно китайская терминология борьбы против «трех зол» (экстремизма, терроризма и сепаратизма) была взята на вооружение и продолжается использоваться членами ШОС для обозначения усилий по противодействию новым вызовам, а это, в свою очередь, означает, что ШОС полностью принимает позицию Китая по этим вопросам.

Многостороннее сотрудничество в Центральной Азии, воплощением которого стал шанхайский процесс, позволило Китаю снизить уровень противоре-

чий с соседями на данном направлении и одновременно приступить к реализации своих экономических интересов, во многом связанных с энергетической сферой. Кроме того, деятельность в рамках ШОС стала для Китая способом приобрести опыт продвижения собственных инициатив в рамках многостороннего регионального формата и, как отмечают китайские эксперты, новой моделью дипломатического взаимодействия с соседями (т.е. особым типом партнерства по сравнению моделью межгосударственного союза, который существовал у КНР и СССР)³³.

Исследования ШОС в Европе и Америке

В современных западных исследованиях Шанхайской организации сотрудничества за последние годы сформировалось несколько интерпретаций деятельности ШОС. Эти интерпретации позволяют оценить подход американского и европейского экспертного сообщества к данной организации, а косвенно также и политического сообщества. Наиболее распространенные подходы либо объясняют деятельность ШОС в геополитическом ключе с точки зрения баланса сил, либо рассматривают ШОС как средство сохранения и легитимации авторитарных режимов в регионе.

Геополитический подход рассматривает либо саму Шанхайскую организацию сотрудничества, либо ее отношения с отдельными странами-наблюдателями (в частности, Ираном) как направленные против США и Запада в целом³⁴. Один из инвариантов геополитического подхода рассматривает ШОС как модель регионального доминирования в Центральной Азии, в рамках которой Китай и Россия фактически создали систему разделения обязанностей: Россия взяла на себя задачи продвижения военного и политического сотрудничества, а Китай — экономического взаимодействия³⁵ с центральноазиатскими государствами.

Исследования в русле «нормативного» подхода рассматривают ШОС в качестве организации, которая «делегитимизирует антирежимную деятельность и развитие демократии»³⁶ в странах-членах, используя дискурс, сфокусированный вокруг понятия «региональной стабильности». Представители данного подхода указывают на особую озабоченность стран региона вопросами сохранения суверенитета в качестве объединяющего фактора при отсутствии материальных оснований (например, взаимодополняемости в торговле) для региональных проектов сотрудничества. Эти соображения, наравне с опасениями за стабильность политических режимов после периода «цветных революций», по мнению некоторых исследователей, ведут к возникновению феномена «охранительной интеграции», примером которой и является ШОС³⁷.

В результате оценки ШОС как в целом неэффективной организации с точки зрения западных теорий интеграции и регионального сотрудничества приводят некоторых исследователей к выводу о необходимости доработать региональное взаимодействие ШОС внешними «стратегическими партнерствами», например, между ЕС, с одной стороны, и Россией, Китаем и Индией, с другой стороны³⁸. В то же время противоположный взгляд на деятельность ШОС, представленный в работах старшего научного сотрудника Центра исследований проблем безопасности в Цюрихе Стивена Ариса, заключается в том, что ШОС является организацией с очень конкретной повесткой дня, сфокусированной на решении внутренних проблем региона и реакции на новые угрозы и вызовы³⁹.

Индийские подходы к Центральной Азии и ШОС

Региональная стратегия Индии является составным элементом внешнеполитического курса, направленного на укрепление статуса государства в ка-

честве паназиатского игрока, а не только регионального лидера в Южной Азии⁴⁰. Несмотря на свое лидирующее положение в регионе, Индия в силу ряда объективных причин сталкивается с трудностями в продвижении проектов южно-азиатского регионального сотрудничества. К таким причинам относятся, в частности, индо-пакистанские противоречия и специфика отношений Индии как доминанты южноазиатской региональной подсистемы с малыми и средними странами региона, которые, стремясь избежать односторонней зависимости от Индии, не готовы к полномасштабной интеграции. В связи с этим индийской внешнеполитической элите регион Центральной Азии, наряду с Юго-Восточной Азией, представляется естественным направлением внешнеполитической активности, где Индия могла бы существенно расширить свое присутствие⁴¹.

Два доктринальных положения закладывают основы стратегического восприятия Центральной Азии индийским руководством. Первое связано с экстраполяцией доктрины Ганди на ситуацию в центральноазиатском регионе. Упомянутая доктрина была сформулирована в 1983 г. в связи с конфликтом на Шри-Ланке. Ее основной постулат заключался в том, что Индия не будет вмешиваться в конфликты с участием соседних государств, однако в то же время не станет мириться с вмешательством в эти дела третьих стран, если такое вовлечение будет угрожать интересам самой Индии. Эта общая установка приобрела актуальность для индийской стороны в контексте ситуации в Афганистане и Пакистане, когда поддержка талибов со стороны Пакистана, по сути, имела дестабилизирующий эффект и для отношений Индии со странами Центральной Азии⁴².

Второе доктринальное положение связано с именем индийского премьер-министра Гуджрала. Доктрина Гуджрала предполагала, что Индия как доминирующая региональная держава долж-

на в одностороннем порядке создавать благоприятные условия для развития экономических отношений с соседями, при этом не обязательно рассчитывая на встречные шаги в том же объеме. В конце 1990-х гг. премьер-министр Гуджрал назвал страны Центральной Азии «ближайшим зарубежьем» Индии, обозначив в качестве основных индийских экономических интересов в этом регионе развитие инфраструктуры (железнодорожное сообщение, телекоммуникации) и энергетического сотрудничества⁴³.

Дальнейшее развитие этого подхода было связано с провозглашенной летом 2012 г. политикой «установления взаимосвязей с Центральной Азией» (*Connect Central Asia*). В своем выступлении в ходе первой встречи, посвященной диалогу Индии и Центральной Азии, в Бишкеке 12–13 июня 2012 г. министр иностранных дел Индии Шри Е. Ахамед отметил несколько ключевых линий взаимодействия, которые должны интенсифицировать связи Индии и центральноазиатских государств. К числу таких направлений он отнес политические и стратегические связи, включая совместные программы военной подготовки и антитеррористические мероприятия, многостороннее сотрудничество в рамках ШОС и взаимодействие Индии с Таможенным союзом, партнерство в разработке энергетических и иных природных ресурсов, инициативы в области образования и информационно-телекоммуникационных технологий, придание нового импульса проекту транспортного коридора «Север — Юг»⁴⁴.

С одной стороны, такой подход в значительной степени соответствует американской стратегии формирования Центральной Азии, экономически переориентированной на Южную Азию и в первую очередь Индию⁴⁵. С другой стороны, Индия всячески подчеркивает свой более толерантный, чем американский, подход к вопросу демократизации

существующих в странах региона политических режимов⁴⁶.

При этом в экспертном дискурсе Центральная Азия представляется как регион нового стратегического соседства для Индии⁴⁷, а сама Индия — как игрок, способный сыграть конструктивную роль не только в Центральной Азии, но и в рамках ШОС⁴⁸. В то же время ШОС, несмотря на признание ее важности для противодействия новым угрозам⁴⁹, пока рассматривается скорее как вторичный инструмент взаимодействия Индии со странами Центральной Азии, Китаем и Россией, в то время как приоритет отдается двусторонним проектам (например, с Казахстаном, Таджикистаном и Кыргызстаном)⁵⁰. Осторожное отношение Индии к ШОС объясняется также неопределенностью направления дальнейшей эволюции организации и характера отношений между ее членами. Неблагоприятным для Индии исследователи полагают сценарий, при котором в ШОС будет доминировать Китай, а Россия будет взаимодействовать с ним на дружественной, но соподчиненной основе⁵¹.

Выводы

Представленный анализ позволяет предположить, что различия в исследовательских позициях российских, китайских, индийских и западных исследователей по поводу характера деятельности Шанхайской организации сотрудничества определяются предыдущим опытом

регионального и квазирегионального сотрудничества перечисленных стран (России, Китая, Индии, США и стран ЕС) и теми целями, которые они преследуют во взаимодействии с центральноазиатскими государствами в области политики, экономики и безопасности.

Для России и Китая особое значение имеют не цели интеграции в рамках ШОС в понимании западных теорий интеграции, а потенциал ШОС в структурировании регионального пространства. Для России, кроме того, важны институциональные возможности ШОС для включения в систему региональных организаций АТР, которая во многом формировалась помимо России и в рамках которой России, для того чтобы закрепится в качестве полноправного участника региональных процессов, необходимы дополнительные политические и экономические ресурсы.

Для Индии взаимодействие с ШОС вписывается в более широкий контекст экономического сотрудничества с Центральной Азией. В свою очередь, американские и европейские аналитики делают акцент на нормативных аспектах деятельности ШОС, связывая их с проблемами демократизации политических режимов в регионе. Подчеркивая неэффективность ШОС как самостоятельного игрока, некоторые исследователи указывают на закономерную необходимость внутренних политических изменений в странах региона и внешних партнерств для поддержки этих изменений.

¹ Статья подготовлена в рамках грантового проекта Международного дискуссионного клуба «Валдай».

² Crafting Cooperation. Regional International Institutions in Comparative Perspective / ed. by A. Acharya, A.I. Johnston. N.Y., Cambridge : Cambridge University Press, 2007. P. 6–12 ; Regions and Crises. New Challenges for Contemporary Regionalisms / ed. by L. Fioramonti. Basingstoke : Palgrave, 2012. P. 222–229. Среди отечественных исследований в данной области см.: Байков А.А. Сравнительная интеграция. Практика и модели интеграции в зарубежной Европе и Тихоокеанской Азии / отв. ред. А.Д. Богатуров. М. : Аспект Пресс, 2012. [Baikov A.A. Sravnitel'naya integratsiya. Praktika i modeli integratsii v zarubezhnoy Evrope i Tikhookeanskoy Azii / отв. red. A.D. Bogaturov. M. : Aspect Press, 2012.]

³ Здесь и далее термин «Центральная Азия» используется для обозначения современного состояния региона, включающего пять государств — Казахстан, Узбекистан, Киргизию, Туркменистан и Таджикистан, хотя географически регион охватывает более широкие пространства, включая

- территорию современной Монголии и северо-западных регионов Китая. В советский период и в рамках историографии того времени данный регион обозначался как Средняя Азия и Казахстан. Китайские и западные исследователи терминологически придерживаются определения группы пяти упомянутых государств как входящих в регион Центральной Азии.
- 4 Международные отношения в Центральной Азии. События и документы / под ред. А.Д. Богатурова. М. : Аспект Пресс, 2011. С. 17–19. [Mejdunarodnye otnosheniya v Zentralnoi Azii. Sobytiya I document / pod red. A.D. Bogaturova. M. : Aspect Press, 2011. S. 17–19].
 - 5 Звягельская И.Д. Становление государств Центральной Азии: Политические процессы. М. : Аспект Пресс, 2009. С. 45–52 [Zviagelskaya I.D. Stanovleniye gosudarstv Zentralnoi Azii. Politicheskie prozessy. M. : Aspect Press, 2009. S. 45–52].
 - 6 Подробнее см.: Лузянин С.Г. Этнический конфликтный «срез» Центральной Азии // Конфликты на Востоке. Этнические и конфессиональные / под ред. А.Д. Воскресенского. М. : Аспект Пресс, 2008. С. 316–322. [Luzianin S.G. Etnoicheskii konfliktnyi 'srez' Zentralnoi Azii // Konflikty na Vostoke. Etnicheskie i konfessionalnye / pod red. A.D. Voskressenskogo. M. : Aspect press, 2008. S. 316–322.]
 - 7 В данном случае не рассматривается СНГ как организация с более широким составом участником, выходящем за рамки Центральной Азии.
 - 8 Allison R. Virtual Regionalism, Regional Structures and Regime Security in Central Asia // Central Asian Survey. 2008 (June). Vol. 27. No. 2. P. 185.
 - 9 Туркменистан не принимает участие в деятельности ШОС по причине своего нейтрального международного статуса.
 - 10 Малашенко А. Центральная Азия: на что рассчитывает Россия? М. : РОССПЭН, 2012. С. 16. [Malashenko A. Zentralnaya Aziya: na chto rasschityvayet Rossiya? M. : ROSSPEN, 2012. S. 16.]
 - 11 Подробнее об эволюции идей интеграции постсоветского пространства см.: Большаков А.Г. Россия в поиске оптимальной модели постсоветской интеграции: станет ли 2012 год переломным? // Сравнительная политика. 2012. № 3 (9). С. 88–90. [Bol'shakov A.G. Rossiya v poiske optimalnoy modeli postsovetskoy integracii: stanet li 2012 god perelomnym? // Sravnitel'naya politika. 2012. № 3 (9). S. 88–90].
 - 12 На данный момент в СНГ входят все государства Центральной Азии, Россия, Азербайджан, Армения, Беларусь, Молдова и Украина.
 - 13 На данный момент в ОДКБ входят Армения, Беларусь, Казахстан, Киргизия, Россия, Таджикистан. Членство Узбекистана приостановлено в 2012 г.
 - 14 ЦАС существовала с 2002 по 2005 г. и включала Казахстан, Киргизию, Таджикистан, Узбекистан и Россию. В 2005 г. ЦАС объединилась с ЕврАзЭС.
 - 15 В ЕврАзЭС состоят Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Россия, Таджикистан. Членство Узбекистана приостановлено в 2008 г.
 - 16 Действует с 1 января 2012 г.
 - 17 В перспективе не исключено расширение состава участников ЕЭП за счет Киргизии и Таджикистана. Подробнее см.: Путин В.В. Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня // Известия. 2011. 3 октября. [Putin V. Novyi integratsionnyi proekt dlya Evrazii — budusheye, kotoroye rojdayetsia segodnya // Izvestiya. 2011. 3 oktjabria.]
 - 18 Концепция внешней политики Российской Федерации [Электронный ресурс] : утв. Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 12 февраля 2013 г. // Сайт МИД России. URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/newsline/6D84DDEDEDBF7DA644257B160051BF7F (дата обращения: 30.03.2013). [Konzeptsiya vneshnei politiki Rossiyskoi Federacii [Electronic resource] : utv. Presidentom Rossiyskoi Federacii V.V. Putinyim 12 fevralia 2013 g. // Sait MID Rossii. URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/newsline/6D84DDEDEDBF7DA644257B160051BF7F (accessed 30.03.2013).]
 - 19 Там же.
 - 20 Малашенко А. Указ. соч. С. 62. [Malashenko A. Op. cit. S. 62.]
 - 21 Никитина Ю.А. ОДКБ и ШОС: модели регионализма в сфере безопасности. М. : Навона, 2009. С. 187–188. [Nikitina Yu.A. ODKB i ShOS: modeli regionalism v sphere bezopasnosti. M. : Navona, 2009. S. 187–188].
 - 22 Болятко А.В. Проблемы стратегии развития Шанхайской Организации Сотрудничества // Стратегия развития ШОС и политика России в этой организации. М. : ИДВ РАН, 2012. С. 18–32. [Bol'atko A.V. Problemy strategii razvitiya Shankhaiskoy organizacii sotrudnichestva // Strategiya razvitiya ShOS i politika Rossii v etoi organizacii. M. : IDV RAN, 2012. S. 18–32.]

- ²³ Серебрякова Н.В. Шанхайская организация сотрудничества: многосторонний компромисс в Центральной Азии. М. : ИнфоРос, 2011. С. 91. [Serebriakova N.V. Shankhaiskaya organizatsiya sotrudnichestva: mnogostoronniy kompromiss v Zentralnoi Azii. M. : InfoRos, 2011. S. 91.]
- ²⁴ Никитина Ю.А. ОДКБ и ШОС как модели взаимодействия в сфере региональной безопасности // Индекс безопасности. 2011. № 2 (97). Т. 17. С. 48. [Nikitina Yu.A. ODKB i ShOS kak modeli vzaimodeistviya v sphere regionalnoi bezopasnosti // Index bezopasnosti. 2011. № 2 (97). T. 17. S. 48.]
- ²⁵ Bailes A.J.K. The Shanghai Cooperation Organization /A.J.K. Bailes, P.Dunay, P.Guang, M.Troitskiy. Stockholm : SIPRI, 2007. P. 44.
- ²⁶ См., напр.: Уянов С.В. Транспортное сотрудничество в ШОС в контексте проблем региональной стабильности // Стратегия развития ШОС и политика России в этой организации. М. : ИДВ РАН, 2012. С. 193–206; Стратегия России в Центральной Азии и Шанхайская организация сотрудничества / под ред А.В. Лукина. М. : МГИМО, 2012. [Uyanov S.V. Transportnoye sotrudnichestvo v ShOS v kontekste problem regionalnoi stabilnosti // Strategiya razvitiya ShOS i politika Rossii v etoi orzanizatsii. M. : IDV RAN, 2012. S. 193–206 ; Strategiya Rossii v Zentralnoi Azii i Shankhaiskaya organizatsiya sotrudnichestva / pod red. A.V. Lukina. M. : MGIMO, 2012.]
- ²⁷ Лузянин С.Г. ШОС: проблемы развития (методология, экономика, безопасность) // Стратегия развития ШОС и политика России в этой организации. М. : ИДВ РАН, 2012. С. 17. [Luzianin S.G. ShOS: problem razvitiya (metodologiya, ekonomika, bezopasnost') // Strategiya razvitiya ShOS i politika Rossii v etoi orzanizatsii. M. : IDV RAN, 2012. S. 17.]
- ²⁸ Богатуров А.Д. Центральная-Восточная Азия в современной международной политике // Восток. 2005. № 1. С. 102–119. [Bogaturov A.D. Zentral'no-Vostochnaya Aziya v sovremennoi mejdunarodnoi politike // Vostok. 2005. № 1. S. 102–119.]
- ²⁹ Чжао Х. Китай, Центральная Азия и Шанхайская организация сотрудничества // Московский центр Карнеги. Рабочие материалы. 2005. № 5. С. 50. [Zhao H. Kitai, Zentral'naya Aziya i Shankhaiskaya organizatsiya sotrudnichestva // Moskovskiy zentr Karnegi. Rabochiye materialy. 2005. № 5. S. 50.]
- ³⁰ Jia Q. The Shanghai Cooperation Organization: China's Experiment in Multilateral Leadership // Eager Eyes Fixed on Eurasia. No. 16–2 / ed. by A. Iwashita. Sapporo : Slavic Research Center, 2007. P. 113–123.
- ³¹ Имеются в виду взаимное доверие, взаимная выгода, равенство, уважение к различным цивилизационным особенностям и общее процветание. Эти положения были обозначены в выступлении тогдашнего председателя КНР Цзян Цзэминя на церемонии, приуроченной к созданию ШОС. См.: Jiang Z. Deepening Unity and Coordination to Jointly Create a Brilliant Future [Electronic Resource] : Speech at the SCO Inaugural Ceremony. St. Petersburg, June 15, 2001 // China News. URL: <http://english.china.org.cn/baodao/english/newsandreport/2001july/new14-1.htm> (accessed March 31, 2013).
- ³² Bailes at al. Op. cit. P. 48–50.
- ³³ Pan G. A New Diplomatic Model : A Chinese Perspective on the Shanghai Cooperation Organization // Washington Journal of Modern China. 2008. Vol. 9. Iss. 1. P. 57–58.
- ³⁴ Cohen A. The U.S. Challenge at the Shanghai Summit // The Heritage Foundation. June 13, 2006. URL: <http://www.heritage.org/research/reports/2006/06/the-us-challenge-at-the-shanghai-summit> (accessed March 31, 2013) ; Laruelle M. The Chinese Question in Central Asia: Domestic Order, Social Change and the Chinese Factor / M. Laruelle, S. Peyrouse. L. : Hurst&Company, 2012. P. 37.
- ³⁵ Contessi N. China, Russia and the Leadership of the SCO: A Tacit Deal Scenario //China and Eurasia Forum Quarterly. 2010. Vol. 8. No. 4. P. 101–123.
- ³⁶ Ambrosio T. Catching the 'Shanghai Spirit': How the Shanghai Cooperation Organization Promotes Authoritarian Norms in Central Asia // Europe-Asia Studies. 2008. Vol. 60, No. 8. P. 1341.
- ³⁷ Allison R. Op. cit. P. 188.
- ³⁸ Renard T. Strategic Bilateralism or Effective Multilateralism? The EU, the SCO and SAARC // The Palgrave Handbook of EU-Asia Relations / ed. by T.Christiansen, E. Kirchner, Ph. Murray. Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2013. P. 369–370.
- ³⁹ Aris S. The Shanghai Cooperation Organization: 'Tackling the Tree Evils'. A Regional Response to Non-traditionsl Security Challenges or an Anti-Western Bloc? // Europe-Asia Studies. 2009 (May). Vol. 61. No. 3. P. 460 ; Aris S. Eurasian Regionalism. The Shanghai Cooperation Organisation. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2011.
- ⁴⁰ Blank S. India's Rising Profile in Central Asia // Comparative Strategy. 2003. No. 23. P. 139.
- ⁴¹ «Большая Восточная Азия»: мировая политика и региональные трансформации / под ред. А.Д. Воскресенского. М. : МГИМО, 2010. С. 193–213. ['Bol'shaya Vostochnaya Aziya': mirovaya politika i regionalnye transformazii / pod red. A.D. Voskressenskogo. M. : MGIMO, 2010. S. 193–213.]
- ⁴² Ibid. P. 142–143.

- ⁴³ Ibid. P. 148.
- ⁴⁴ Keynote Address by MOF Shri E. Ahamed at First India-Central Asia Dialogue. June 12, 2012 Ministry of Foreign Affairs of India. URL: <http://www.mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/19791/Keynote+address+by+MOS+Shri+E+Ahamed+at+First+IndiaCentral+Asia+Dialogue> (accessed April 6, 2012).
- ⁴⁵ Доклад Ричарда А. Баучера, помощника госсекретаря США по вопросам Южной и Центральной Азии, Подкомитету по Ближнему Востоку и Центральной Азии в составе Комитета Палаты представителей по международным отношениям «Политика США в Центральной Азии: баланс приоритетов (Часть II)». Вашингтон, 26 апреля 2006 г. / Международные отношения в Центральной Азии. События и документы / под ред. А.Д. Богатурова. М.: Аспект Пресс, 2011. С. 491–492. [Doklad Richarda A. Bauchera, pomoshnika gossekretaria SShA po voprosam Yujnoi i Zentralnoi Azii Podkomitetu po Blijnemu Vostoku i Zentral'noi Azii v sostave Komiteta Palaty predstavitelei po mejdunarodnym otnosheni'yam 'Politika SShA v Zentral'noi Azii: balans prioritetov (Chast' II)'. Washington, 26 april'a 2006 g. / Mejdunarodnye otnosheniya v Zentral'noi Azii. Sobytiya i document / pod red. A.D. Bogaturova. M.: Aspect Press, 2011. S. 491–492.]
- ⁴⁶ Reconnecting India and Central Asia. Emerging Security and Economic Dimensions / ed. by N. Joshi. Washington D.C.: The Central Asia-Caucasus Institute, 2010. P. 62; Sachdeva G. Central Asia. India's New Strategic Neighbourhood // Geopolitics. 2012 (October). Vol. III. Iss.V. P. 80.
- ⁴⁷ Sachdeva G. Op.cit. P. 79.
- ⁴⁸ Kundu N.D. 12th SCO Summit in Beijing: A View from India // Valdai Discussion Club. URL: <http://valdaiclub.com/asia/44660.html> (accessed April 6, 2013).
- ⁴⁹ Триведи Р. Нетрадиционные угрозы безопасности в Центральной Азии с точки зрения сравнительной региональной перспективы // Сравнительная политика. 2011. № 4(6). С. 120–121. [Trivedi R. Netradizionnye ugrozy bezopasnosti v Zentral'noi Azii s toчки zreniya sravnitel'noi regional'noi perspektivy // Sravnitel'naya Politika. 2011. № 4(6). S. 120–121.]
- ⁵⁰ Reconnecting India and Central Asia. P. 66.
- ⁵¹ Sachdeva G. Op. cit. P. 80.